

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ IV

Дарвинистская литературная
критика. Часть 1

Цель: ознакомиться со статьей Джозефа Кэрролла «Человеческая природа и литературный смысл», чтобы составить представление о задачах дарвинистской литературной критики и актуальных направлениях ее развития.

Ключевые слова: дарвинистская критика, эволюционная психология, интеллект.

Продолжая знакомиться с антологией Джулии Ривкин и Майкла Райана «Теория литературы», мы приступаем к разговору о дарвинистской литературной критике, ее сути, методах и возможностях, которые она открывает для литературоведов и критиков. С этой целью мы обратимся к статье Джозефа Кэрролла, довольно обобщенно названной им «Человеческая природа и литературный смысл».

Работе Джозефа Кэрролла будет посвящено две лекции. В первой из них речь пойдет о задачах дарвинистской литературной критики и актуальных направлениях ее развития. Вторая лекция будет посвящена изображению в литературе человеческой природы, а также способам передачи смысла и точки зрения в литературном произведении.

Джозеф Кэрролл, главная фигура в эволюционной литературной теории, сыграл важную роль, считают Д. Ривкин и М. Райан, в создании нового направления в литературоведении.

Задача дарвинистской литературной критики

Общее представление о том, что дарвинистская литературная критика может или должна сделать, считает Дж. Кэрролл, заключается, прежде всего, в изучении эволюционной психологии, чтобы идентифицировать универсальные, основные формы человеческого поведения. Далее критики-дарвинисты должны изучать тот или иной литературный текст так, чтобы продемонстрировать, что персонажи в этом тексте ведут себя точно так, как прогнозируют эволюционные психологи в отношении поведения других людей. Метод, связанный с этим общим понятием, является наивным и уязвимым для очевидных возражений. Люди в действительности не просто иллюстрируют общие, универсальные модели поведения. У них есть индивидуальность, которая проявляется в особенностях их темпераментов, их культурном уровне и их индивидуальном опыте. Культуры широко варьируются в том, как они организуют общие элементы человеческой мотивационной и когнитивной систем, и даже в любой данной культуре многие люди могут резко уклоняться от поведенческих норм, характеризующих эту культуру, и от более глубоких общих черт человеческой природы. Более того, персонажи литературных представлений – не настоящие, живые люди. Они – вымышленные образы, которые отражают понятия, убеждения, цели отдельных авторов, а эти авторы сами ограничены более широким культурным контекстом, традициями и условностями литературного текста. Чтобы обращаться с персонажами так, как если бы они были настоящими людьми, следует игнорировать всю концепцию «смысла» в литературе, а игнорирование смысла в литературе – это нечто вроде игнорирования понятия «энергия» в физике или понятия «жизнь» в биологии. Это значит упустить суть.

Недостатки в общем понятии дарвинистского литературного исследования могут быть легко исправлены. Концепции, необходимые для интеграции дарвинистской психологии и литературной критики, несложно понять и использовать. Дж. Кэрролл предлагает составить необходимый минимум аналитических понятий (всего пять), которые должны входить в любой разумно компетентный литературный анализ, представленный дарвинистским пониманием человеческой природы. Основными понятиями являются следующие: (а) человеческая природа есть структурированная иерархия мотивов; (б) «точка зрения», или местоположение смысла, существует в трех отдельных центрах сознания – автора, персонажей и подразумеваемой или прогнозируемой аудитории; (с) использование человеческих универсалий в качестве общей системы отсчета, по отношению к которой авторы идентифицируют свои собственные индивидуальности и структуры смысла; (d) набор категорий для анализа индивидуальных различий в индивидуальности; (e) распространение собственно литературного значения по трем главным аспектам: (1) тема (концептуальное содержание), (2) тон (эмоциональная окраска) и (3) формальная организация (концепция, которая охватывает весь путь от макроструктур, таких

как сюжет и последовательность повествования, до микроструктур, таких как фразировка, выбор слов и последовательности звуков).

В ходе изложения этих понятий и объяснения их отношений Дж. Кэрролл приводит аргументы, которые должны представлять интерес для дарвинистских социологов, независимо от того, интересуются ли они литературой и другими искусствами или нет. Он утверждает, что дарвинистская психология находится на грани достижения парадигмы, то есть консенсуса относительно необходимого минимума концептуальных элементов, которые вступают в понимание «человеческой природы». Эта новая парадигма состоит из универсалий, общих человеческих элементов, и вариаций тех элементов, которые мы описываем как «индивидуальные различия». Парадигма также включает понимание того, как специфически человеческий образ жизни – рождение, развитие, репродукция и смерть – отвечает гибкими, но комплексными стратегиями на широкий круг физических и культурных условий, в которых люди могут существовать.

Дж. Кэрролл предлагает ознакомиться с нынешним состоянием и перспективами дарвинистской психологии. Он рисует контуры новой парадигмы человеческой природы и вводит концепцию «когнитивной поведенческой системы» – это малознакомый термин, но Дж. Кэрролл убежден в его необходимости для формирования адекватной парадигмы как в психологии, так и в литературном исследовании. Большинство эволюционных психологов, считает автор, уделяли недостаточно внимания литературе и другим видам искусства, а некоторые утверждали, что искусство не имеет адаптивной функции, центральной для целей человеческой жизни. Обращаясь к логике, возникающей в дарвинистской психологии парадигмы, Дж. Кэрролл утверждает, что литература и другие искусства действительно имеют адаптивную функцию, и что понимание этой адаптивной функции является предпосылкой для понимания нашей специфической человеческой природы. Усилия по построению парадигмы для дарвинистской литературной критики и попытка построить парадигму для более широкой сферы дарвинистской психологии являются взаимозависимыми.

Центральной проблемой для именно дарвинистской формы литературной критики является связь самых высоких уровней в организации человеческой природы с наиболее подробными и тонкими аспектами литературного значения. Можем ли мы связать основные жизненные цели – выживание, рост и репродукция – с тончайшими нюансами темы, тонов и стиля в организации литературного смысла в конкретных работах? Ответ на этот вопрос определит успех или неудачу дарвинистской литературной критики. Элементарные принципы анализа истории жизни входят в организацию всех литературных произведений, и способ, которым любой автор управляет этими принципами, является определяющим фактором в характере и качестве работы автора.

Любое литературное произведение любого периода или жанра может быть выбрано для иллюстративных целей. Литературоведы-дарвинисты делали анализ фольклора, мифов, пьес, стихов, романов, фантастики, научной фантастики, опер, балетов и фильмов. Нигде в мире не написано ни одного литературного произведения ни одним автором и ни в какое время, которое бы выходило за рамки дарвинистского анализа, убежден Дж. Кэрролл. Автор может быть языческим греком, христианином, мусульманином или дзен-буддистом. Он может быть представителем бразильского племени, дамой из Европы, средневековым японским воином или тибетским монахом и так далее и тому подобное. Если дарвинизм дает реальный отчет о человеческом разуме, и, если человеческий разум производит все литературные тексты, все литературные тексты восприимчивы к дарвинистскому анализу.

Новая парадигма в дарвинистской психологии

То, что могут и должны сделать дарвинистские литературоведы, считает Дж. Кэрролл, затронет вопросы индивидуальных различий и общего базового интеллекта людей. Двумя основными ортодоксальными принципами эволюционной психологии, которые до сих пор препятствовали полному развитию парадигмы дарвинистской психологии, являются отказ или устаревшие точки зрения, связанные с познавательными способностями и индивидуаль-

ными различиями в личности и интеллекте. «Эволюционная психология» как отдельная школа придает вес «человеческим универсалиям» и предполагает, что разум состоит почти исключительно из когнитивных специфических механизмов, то есть «когнитивных модулей», которые были разработаны специально для решения адаптивных проблем в среде палеолита. И эта древняя среда сама по себе задумана как совокупность статистически устойчивых физических и социальных условий, «среды эволюционной адаптированности» (СЭА). Таким образом, центральными принципами эволюционной психологии как отдельной школы являются: (а) у каждого в значительной степени такой же ум и личность не только в основных структурах, но в силе или качестве; (b) этот один универсальный разум, общий для всех людей на земле, «разработан» (= адаптирован) исключительно для того, чтобы иметь дело со статистически стабильной средой, которая существовала, возможно, два миллиона лет, но которой по большей части больше не существует; и (с) все существенные адаптивные особенности этого разума являются «когнитивными модулями», предназначенными для решения адаптивных проблем, специфичных для статистических закономерностей этой древней окружающей среды.

Эта характеристика эволюционной психологии является абсолютной, лишенной квалификации и двусмысленностей, и пока это «карикатура», но достоинство карикатуры заключается в том, что она обостряет рельефность образа, определяя особенности физиогномики.

Дж. Кэрролл предполагает, что есть две причины, по которым эволюционные психологи выдвинули эту необычно искаженную версию человеческой когнитивной эволюции. Первая причина заключается в том, что они были заняты противостоянием стандартной модели социальных наук разума как чистого листа или общего, универсального компьютера, в котором весь контент создается внешними (социальными и культурными) влияниями. Специфичность сферы (человека, человеческой природы) составляет альтернативу общности сферы. Вторая причина заключается в том, что эволюционные психологи были напуганы ассоциацией дарвинистской психологии с социальным дарвинизмом, евгеникой и исследованием индивидуальных и групповых различий в поведении и особенно различиями в интеллекте. Радикальная экология или модель чистого листа, которая доминировала в социальных науках в XX веке, сама по большей части была мотивирована страхом перед социальным дарвинизмом, евгеникой и расовой теорией или отказом от них. Подчеркивая универсалии и специфические механизмы общего базового интеллекта человека, эволюционные психологи пытались найти компромисс между дарвинизмом и стандартной моделью социальных наук, где разум – это чистый лист + влияния. Они вернули понятие адаптивной когнитивной структуры в психологию, но сделали это, не нарушив идеологического табу на признание значимости индивидуальных и групповых различий.

Привлекательность этих двух преимуществ была настолько сильна, что с начала 1990-х годов она ослепила многих дарвинистских психологов в видении фундаментальных недостатков концепций, которые позволяют достичь компромисса. Недостатки заключаются в том, что весь этот комплекс идей противоречит грубым и очевидным особенностям общего опыта – жизненной важности как индивидуальных различий, так и общего интеллекта в повседневной жизни – и что он также противоречит элементарной логике в теории естественного отбора. В этой теории «отбор» может работать только на вариации, то есть на «индивидуальные различия». А если нет вариаций, то нет и отбора. Нет отбора, нет адаптации и, следовательно, нет эволюции «посредством естественного отбора».

С конца 1990-х годов психологические идеи, которые так быстро застыли в преждевременной ортодоксии, подвергались все большей критике со стороны новых и действительно инновационных исследований в одном важнейшем событии в истории человечества – «культурной революции», которая проходила около 60-30 тыс. лет назад и предоставила первые доказательства сложной технологии, сложных форм социально-экономической организации и сложной символической и художественной деятельности.

Вся эта исследовательская область чревата разногласиями, но есть достаточно согласия относительно некоторых основных фактов, чтобы появилось новое видение человеческой эволюции – видение, которое резко контрастирует с ортодоксальными принципами эволюционной психологии. В этом новом видении наиболее отличительная особенность специфического человеческого разума – это появление гибкого общего интеллекта, позволяющего людям адаптироваться к вариациям внутри среды, которая сама по себе сложна и неустойчива.

В новом видении человеческой эволюции идея когнитивных механизмов общего базового интеллекта не была отброшена. Она была ассимилирована и интегрирована в более широкую общую структуру человеческого познания. Новое видение не возвращается к старой модели чистого листа. Оно идентифицирует четкую структуру человеческих мотивов и когнитивных диспозиций, которая вытекает из большей логики инклюзивной пригодности – логики, которая регулирует адаптивную структуру всей жизни на земле.

В 1990-х годах самым важным теоретическим конфликтом в самой дарвинистской психологии был конфликт между «социобиологией», с одной стороны, и «эволюционной психологией», с другой. Проще говоря, этот конфликт создан разными взглядами на человеческую мотивационную систему. Так, социобиологи были склонны рассматривать людей как «максимизаторов пригодности». Как утверждает Айронс, «человеческие существа склонны вести себя так, чтобы максимизировать свое генетическое изображение в будущих поколениях». Эволюционные психологи, напротив, придерживались мнения о том, что люди не особенно заботятся о репродуктивном успехе и являются, скорее, «адаптационными исполнителями». Дж. Кэрролл формулирует более полный и содержательный ответ о человеческой мотивационной системе, объединив две концепции: а) концепцию истории человеческой жизни как цикла, организованного вокруг распределения усилий между «соматической» и «репродуктивной» деятельностью, и (в) концепцию «поведенческих систем».

Центральными категориями анализа истории жизни являются рождение, рост, смерть и репродукция. Организмы всех видов участвуют в двух основных формах усилий – приобретении ресурсов (соматических усилий) и расходовании ресурсов при репродукции. Рождение, рост и смерть – это соматические действия. Воспроизведение и воспитание – это репродуктивная деятельность. Все основные виды деятельности в истории жизни организма являются интегрированными и взаимозависимыми. Организация характеристик жизненного цикла – формы, темпов роста, продолжительности жизни, брачного поведения, количества и воспитания потомства, соотношения пола потомства и стратегий воспитания – входит во все аспекты характеристик вида: в его физиологию, анатомию и поведение. Таким образом, теория истории жизни может рассматриваться как всеобъемлющая теория макроэкономики и микроэкономики биологии.

Человеческий вид имеет отчетливую форму для организации своей истории жизни, и логикой этой организации отмечены все аспекты человеческого поведенческого и познавательного порядка. Его большой мозг предоставляет уникальные адаптивные возможности, как технологические, так и социальные. Идея «поведенческих систем» была сформулирована как концепция в дарвинистской психиатрии, она также возникла неявно, полусознательно как организующий принцип в ортодоксальных версиях эволюционной психологии.

Объединив идею анализа истории жизни с идеей поведенческих систем, мы можем сформулировать альтернативу противоположным понятиям максимизации пригодности и адаптации. Люди представляют собой высокоинтегрированные наборы поведенческих систем, которые были организованы и направлены логикой цикла человеческой жизни. Человеческая природа организована в структурированные наборы поведенческих систем, и эти системы поддерживают цели, которые распределяются по основным функциям соматической и репродуктивной жизни. Максимизация пригодности сама по себе не является активным мотивом, но фундаментальные соматические и фундаментальные репродуктивные импульсы на самом деле являются прямыми и активными мотивами. Поведенческие системы – выживание, репродукция, родственные отношения и социальное взаимодействие – встроены в организм человека. Они опосредованы врожденными структурами в генетически обусловленных особенностях анатомии, физиологии, гормонов и нейрохимии.

Когнитивная поведенческая система

В версиях учебников по эволюционной психологии очень мало говорится о том, что делать с различными специфическими познавательными аспектами человеческой природы. Проблему

языка обычно еще можно вставить куда-нибудь в раздел о социальном взаимодействии, но вот куда поместить данные о возможности его использования в качестве инструмента для получения информации о растениях и животных и производства культурных артефактов. Если мы объединим идею поведенческих систем с признанием особого человеческого атрибута в виде общей (базовой) единицы структуры интеллекта, мы сможем решить эту загадку. Человеческий ум – необычайный, сложный орган. Он высоко структурирован и гибко реагирует на поступающие данные. Он решает огромный набор адаптивных проблем. Некоторые из его процессов развиваются предсказуемо универсальными способами, такими как приобретение и овладение навыками языка, различения цветовой гаммы или ботанических и зоологических категорий. Другие процессы развиваются с комбинаторной текучестью, которую мы обозначаем как «творческую» или «изобретательскую», как при изобретении новых технологий и новых искусств. Ум представляет собой достаточно сложную, структурированную и интегрированную систему человеческой природы.

Общая (базовая) единица структуры интеллекта, свойственная всем людям, имеет адаптивную функцию: она способствует гибкому ответу на переменную среду. Люди создают сложные ментальные модели мира и принимают решения на основе альтернативных сценариев, которые присутствуют в этих моделях. Материалы, доступные для ума и воображения, обширны, а сочетание этих материалов практически бесконечно. Возможность ошибки, неуверенности и путаницы является неперенным фактом человеческой психической жизни. Поскольку людям присуща активная и нестабильная психическая жизнь, они нуждаются в изготовлении ментальных карт или моделей, помогающих осмысливать мир и обеспечивать поведенческие директивы, которые могут заменить инстинктивные поведенческие модели. Для того, чтобы эти ментальные карты или модели были эффективными в качестве поведенческих указаний, они должны быть эмоционально насыщенными, творчески яркими. Искусство и культурные артефакты, например, религия и идеология, отвечают этим требованиям. Они выполняют необходимую адаптивную функцию, которая регулирует человеческую когнитивную поведенческую систему. Искусство обеспечивает эмоционально насыщенные изображения и эстетические конструкции, которые создают ощущение полного когнитивного порядка и помогают регулировать другие поведенческие системы. Искусство представляет результат осознания человеческих потребностей и мотивов. Оно моделирует субъективный опыт, определяет социальные отношения, изображает близкие отношения в семье и определяет весь комплексный и интерактивный массив человеческих поведенческих систем в моделях всего мирового устройства.

Вопросы для закрепления темы:

1. Что становится центральной проблемой для дарвинистской формы литературной критики?
2. Перечислите пять аналитических понятий, которые входят в литературный анализ, представленный дарвинистским пониманием человеческой природы.

Литература:

1. Tooby J., Cosmides L. The Psychological Foundations of Culture// In The Adapted Mind, Evolutionary Psychology and the Generation of Culture. – New York: Oxford University Press, 1992.
2. McGuire Michael, Troisi Alfonso. Darwinian Psychiatry. – New York: Oxford University Press, 1998.